

18+

Виталий Халтурин

Рассказы дедушки Талика

Сборник воспоминаний, писем и документов
из семейного архива. Интернет-издание

Виталий Халтурин

**Рассказы дедушки Талика.
Сборник воспоминаний, писем
и документов из семейного
архива. Интернет-издание**

«Издательские решения»

Халтурин В. И.

Рассказы дедушки Талика. Сборник воспоминаний, писем
и документов из семейного архива. Интернет-издание /
В. И. Халтурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551388-5

«Рассказы дедушки Талика» — сборник воспоминаний и заметок, написанных известным сейсмологом Виталием Халтуриным (1927—2007) для домашнего альманаха «Семейная мозаика». В книгу вошли воспоминания о детстве в военные годы, о старшем брате Льве Малаховском, рассказ о собственном опыте «открытия» Америки, о неизвестном автографе Марины Цветаевой, найденном в семейном архиве, а также некоторые другие истории. Издание дополнено письмами, документами и фотографиями.

ISBN 978-5-00-551388-5

© Халтурин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	7
Часть первая. Детство в эпоху войн	10
Мой брат Лева	10
Лингвист от Бога	10
Лева – центр моего детского мира	13
«Я тебя съем!»	14
Изучаем жизнь города	15
Лева и музыка	17
Книжки, марки, конструктор, стихи...	18
Школа и друзья на всю жизнь	23
Английский язык	23
Констанция Сиднеевна	24
Институт, война, Аляска	26
Встречи и разлуки	30
Время летит...	33
Диалог с маминной автобиографией	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Рассказы дедушки Талика
Сборник воспоминаний, писем
и документов из семейного
архива. Интернет-издание
Виталий Иванович Халтурин**

Мая Халтурина *Редактор-составитель*

Елена Пылаева *Корректор*

© Виталий Иванович Халтурин, 2021

ISBN 978-5-0055-1388-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Все хорошее во мне – от папы. Все плохое – благоприобретенное. Когда я смотрю на его фотографии, даже очень ранние, где он совсем молодой (каким я его не могла видеть!), где он студент или школьник, я всегда в этом мальчике вижу папу. Я его всегда узнаю. Но не черты лица, а самого папу, целиком, вижу в этих глазах. Еще мне кажется, как будто это я сама на себя смотрю. Что папа – это и есть я...

Страсть же к писательству, как считалось у нас в семье, минуя папу, досталась мне напрямую от деда. От деда Халтурина. Какая же это была радость, когда на склоне лет папа тоже начал писать!

Его рассказ «Мир тесен» (а на самом деле не рассказ, а письмо детям из Америки) обрадовал меня настолько, что я тут же скопировала его себе в компьютер в специально заведенную папку «Виталий Халтурин. Тексты». Он восхитил меня именно как рассказ.

Папины рассказы о военном детстве появились на свет в качестве письма внуку Коле – по случаю школьного сочинения ко Дню Победы. А получилась проза. И его воспоминания о Лева – прекрасная, очень теплая проза, подкупающе простодушная, естественная. В ней столько нежности к старшему брату, что кажется, будто писали два человека и Лева, невидимый, уже нездешний, стоял за спиной у папы. В этих воспоминаниях я тоже вижу папу, слышу его голос...

Для журнала «Детская литература» папа написал образцовый (я бы так не смогла!) биографический очерк о своем отце Иване Игнатьевиче. Надеюсь, он войдет в отдельную книжку, посвященную И. И.

Так же, как и его отец, папа за свою жизнь не выбросил ни одной бумажки. Он хранил все: письма, телеграммы, записки, афиши, рисунки своих детей, их школьные дневники. Писал маме на Кубу: «Спасибо за открытку с Че. Надеюсь, что ты не забыла мою просьбу насчет плакатов и за эти долгие месяцы украдешь их достаточное количество!» Было ли это чистое проявление наследственности, или он сознательно подражал своему отцу? Неизвестно. И уже не спросишь.

В эту книгу включены некоторые письма и документы из домашнего архива. Одни из них уже в момент создания воспринимались как исторический документ, например открытое письмо против ГКЧП. Другие стали казаться таковыми только сейчас, через двадцать, сорок или шестьдесят лет, – потому что изменилось наше зрение. Мы теперь по-другому смотрим. Мы видим в них не только факты семейной истории и отражение личности папы, но дух и приметы времени. Вообще удивительно, что, несмотря на все войны, пожары, наводнения, острые зубы мышей и бесчисленные переезды, большая часть папиного архива осталась цела. Сами же мы, ленивые и неблагодарные, не слишком заботились, чтоб сохранить письма, написанные папой.

Однажды, когда я жила в Тарту, ко мне пришла в гости подруга Саша, а у меня на окне стояла открытка от папы. Открытка-телеграмма, помните, были такие? И там напечатано: «С днем рождения, моя радость». Сашка сказала с удивлением: «Вот это да! Как папа тебя называет!» Мне понадобилось много лет, чтобы осознать, какое это было счастье – получать телеграммы-открытки от папы ко дню рождения.

Уже много лет его нет с нами, но я никогда не чувствовала себя осиротевшей. Папа так любил нас, что после его ухода ни один миллиграмм этой любви не испарился. Она пронизывает все вокруг, как свет какой-нибудь звезды из другой галактики. Погасла, но светит...

Когда папа говорил с кем-то из нас, он называл нас «дружочек», «родненькая»... Еще он любил толкнуть меня локтем и сказать: «Халтурина-а! Улыбнись!»

Улыбаюсь, папа. Просто обидно немного, что нельзя позвонить тебе и рассказать об всем, что тут случилось. Рассказать, сколько внуков и правнуков теперь у тебя...

Эту книжку мы издаем для них – твоих внуков и правнуков. Чтобы они тоже услышали твой голос.

Мая Халтурина

*Москва,
2021 год*

Часть первая. Детство в эпоху войн

Мой брат Лева

Он старше меня на шесть с половиной лет. В детстве это просто разные поколения. Не часто бывает, чтобы старший брат считал младшего за человека и общался с ним.

Мой папа недаром звал Леву «дядюшка». Лева был прирожденным воспитателем, учителем и наставником. Сколько я себя помню, Лева заботился обо мне, воспитывал меня. Все детство Лева был моим старшим и очень близким другом, который так нужен любому мальчишке.

Лингвист от Бога

Когда мы жили в Ленинграде, а мой папа – в Москве, Лева регулярно писал ему обо мне. Сохранилась его поздравительная открыточка от 14 апреля 1929 года.

Он пишет:

Леве тогда еще не было восьми лет, а мне – полтора. Он не ходил в школу, но писал уже письменными буквами. Что поражает прежде всего – ни одной ошибки по незнанию! «Особенно» пишет через два «н»! Ставит кавычки! «Извозчика» пишет верно! Редкие его ошибки – это описки, типичные для грамотных взрослых, даже для наборщиков: например, пропуск буквы («с дне рождения»), когда мысль опережает руку. Видимо, лингвистический талант у него врожденный.

Лева научился читать рано, года в четыре с половиной. Но кто же учил писать Леву? Сразу видно, не учитель. Некоторые буквы он пишет так, как пишут взрослые, а не как в школе учат. Например, букву «д» он пишет хвостиком вверх. Букву «х» полагалось писать как две кругленькие С, которые смотрят в разные стороны и касаются спинками. А он пишет «х» жестким крестом. Буква «т» иногда написана, по-письменному, а иногда как печатная «т» – такое экономное написание бывает у многих взрослых... *как надо*

Стоит взглянуть на любой мамин автограф – вот оно, ее написание! Значит, не только читать, но и писать учился сам, заглядывая в мамины бумаги. Его лингвистический талант проявлялся в любознательности, в самостоятельном желании учиться читать и писать. А его природная аккуратность – в стремлении писать правильно.

Талику один год. Ленинград, 15 августа 1928 года

У/IV-29. Дорогой Ваня!
Поздравляю тебя с днём ро-
ждения! Я желаю тебе
успехов во всём. Как он на
улице, тут же покатайся
на велосипеде, но са-
мостоятельно, не под
руками и под присмотром
родителей. Его задержат
на улице, а не в доме.
А ещё это очень важно
для тебя. Это со сна

Дорогой Ваня!

Поздравляю Тебя с дне рождения. Немного напишу тебе про Талочку. Как он на извозчике чуть не покатался. Переходит он улицу перед носом проехала лошадь. Он вырвался из рук и побежал. Его задержали. Он говорит не «тятя», а «папа». Но только это бывает иногда но чаще всего это со сна особенно утром.

Л. Малаховский

Лева – центр моего детского мира

В Лева не было мальчишеской агрессивности. Левина мужественность более всего проявлялась в его ко мне отношении. Это отцовское чувство было в нем задолго до того, как у него появились свои дети. Я, «младший братик», с самого раннего детства чувствовал на плече его руку. *отцовском*

Удивительный был у него педагогический талант. Он умел сказать мне, ребенку, нужное слово в нужный момент. Например, чтобы я не перегибался на балконе через перила, он сказал мне, что голова тяжелее всего остального туловища.

Естественно, я свято поверил этому и до сих пор просто не в состоянии смотреть с балкона вниз! Вопреки физике я «точно знаю», что «голова тяжеле ног». И ведь что важно: сказал, позаботился. А я не догадался сказать это своим детям!

Талик с бабушкой Анной Федоровной Смирновой и отцом Иваном Игнатьевичем Халтуриным

И уже с большим опозданием узнал, что они не только смотрели с балкона вниз, но, захлопнув дверь (а ключ остался дома!), перелезали по балконам с четвертого этажа на наш третий...

А какие Лева мне дарил подарки ко дню рождения! Каждый из них был событием. Август я обычно проводил в лагере или на даче и спешил домой, зная, что там меня ждет Левин подарок. Я их как сейчас помню. В 1935 году он подарил мне заводной (!) грузовичок, в 1936-м – удивительный, непонятный и загадочный жироскоп. В 1937-м в коробке из-под табака, заботливо укутанные ватой, лежали двенадцать разных птичьих яиц! В 1938-м он подарил мне замечательный перочинный нож, где было десять предметов, даже ножницы и отвертка и – неизвестно для чего! – штопор. А в 1939-м – настоящий компас.

«Я тебя съем!»

В 1931 году мы с мамой и Левой уехали к папе в Москву. Папа любил Леву и много общался с ним. А Лева в его десять—двенадцать лет регулярно давал папе советы, что он должен делать как отец для моего развития и воспитания.

Мое самое раннее воспоминание связано с Левой. Москва, апрель 1932-го, мне нет и пяти. День рождения моего папы, ему тридцать лет! Мама готовит свое фирменное блюдо – фаршированного судака. Лева сочиняет стихи. По ходу дела посылает меня к папе, чтобы узнать, какие бывают вина. Собирались гости. Я помню только Аркадия Гайдара, да и то потому, что он не вошел, как все люди, в дверь, а возник в окне. Жили мы на довольно высоком втором этаже – под нами был большой зал. Залез он по пожарной лестнице, которая начиналась высоко над землей. В свои двадцать восемь лет Гайдар был парень хоть куда.

Когда все собрались, Лева торжественно прочел:

После дня рождения Гайдар остался у нас ночевать. Ночью я проснулся в ужасе. Страшное рычание, нечеловеческое какое-то. Голос угрожал: «Я тебя... ссье-е-емм! Я тебя... ссье-е-еммм!»

Снова и снова. Я съежился под одеялом. И не мог убежать к маме – голос рычал прямо у двери... И не мог уснуть. Этот страх надолго поселился в моей душе. Потом я узнал, что это храпел Гайдар.

«Когда б имел златые горы,
То я бы снес бы их в Торгсин,¹
И там купил бы помидоры,

---

¹ Торгсин – название магазина, относившегося к Всесоюзному объединению для торговли с иностранцами. Торгсин существовал с 1930 по 1936 год и вначале занимался только продажей антиквариата иностранным туристам. Но с 1931 года была разрешена продажа продовольственных и промышленных товаров советским гражданам – в обмен на валюту, золото и драгоценности. Так что если бы юный Лева на самом деле имел «златые горы», то в 1932-м он вполне мог бы купить на них в Торгсине и апельсины, и вино. (Здесь и далее – примечания Маи Халтуриной.)

И там купил бы апельсин.
И там купил бы я для Вани
Бутылки, полные вина,
Шампанского, кагор, малаги,
Портвейна и мараскина...»

Изучаем жизнь города

В 1934 году мы вернулись в Ленинград. Жили на улице Воинова и гуляли слевой по городу, каждый раз по разным маршрутам. Сначала до Литейного, потом до Моховой, потом до Летнего сада. И так в каждую сторону... Он сделал нашу округу – от Невы до Кировской, от Литейного до Таврического сада – продолжением дома, родным и знакомым местом. В мои семь—девять лет я ориентировался здесь, как в собственной квартире, знал каждый дом. Потом мы переехали на Садовую, 90 – и он открыл мне новый район.²

С братомлевой и няней Марией Павловной Лялиной. Ленинград, весна 1931 года

Постепенно наши маршруты удлинялись, и весной 1939-го мы уже ходили где-то недалеко от Средней Рогатки, в конце Международного проспекта. Там был задуман новый центр города, и Лева отмечал его развитие. Постепенно город становился моим, и я уже не понимал, как можно в нем заблудиться. С тех пор даже сны мои всегда городские...

Леве была интересна жизнь города: что в нем меняется, строится, ремонтируется. Какие появляются новые маршруты трамваев, троллейбусов. Он рассказывал мне, какие сигнальные цвета у трамваев, ведь тогда каждый ленинградский маршрут имел два сигнальных огня своего цвета, зеленый и красный, например, или синий и желтый. В длинные зимние вечера уже издалека было видно, какой идет маршрут.

Этот интерес к жизни города он пронес через всю жизнь и передал мне, как и многое другое. Мне и здесь, в Америке, всегда интересно, что где строится, ремонтируется, асфальтируется, красится, перестраивается.

Любимым Левиным занятием было планирование городов. Он чертил план города, в котором была река и остров на ней, прокладывал улицы, распределял школы, магазины и кинотеатры, а прежде всего проводил транспортные маршруты. Он коллекционировал планы Ленинграда. Помню, как он был счастлив, когда нашел план Петрограда 1917 года, где был обозначен каждый дом.

В Москве построили метро – и Лева стал планировать метро для Ленинграда. Делал он это очень основательно, учитывая пассажирские потоки, пересадочные станции, оптимизируя

---

² В то самое время на улице Воинова (бывшей, а ныне снова Шпалерной), в доме 44-б, в большой коммунальной квартире жили многочисленные родственники автора. Одну из родственниц звали Дора, поэтому и все ее семейство получило прозвище «Дора и контора». Но были среди соседей не только родственники – в квартире также жила Лариса Дёмкина с мужем Алексеем Бажулиным и детьми Юрой и Леной. Так вот, эта Лариса Михайловна Дёмкина – двоюродная сестра той самой Лидии Ивановны Дёмкиной, на дочери которой (Танечке Раутиан) Талик Халтурин впоследствии женился. Жаль, что он не упомянул об этом удивительном совпадении в своем рассказе «Мир тесен»! Татьяна Глебовна Раутиан вспоминает: «Виталий рассказал мне о жизни этой огромной коммуналки. Не знаю, сколько там было комнат. В нормальных квартирах обычно было пять или шесть. Как-то они там все помещались. Веселая компания! Жили довольно дружно. Талик и Юра Бажулин были ровесники, им было лет по семь, и они дружили. А Леночке Бажулиной был всего год. С ней играть было еще неинтересно. Папа Талика Иван Игнатьевич жил тогда больше в Москве, чем на Шпалерной, но имущество свое – это были книги – все еще не увозил в Москву, они хранились на антресолях шкафа. Наверно, куда было увозить. Жил еще где попало. Папа Юры и Леночки Алексей Иванович жил здесь, на Шпалерной. Как-то под хмельком он вступил в неравный бой с книжным шкафом. И маленькому Талику на всю жизнь запомнилось зрелище водопада книг – как они струились с антресолей. Может быть, именно поэтому он на всю жизнь полюбил книги... Юра Бажулин погиб в блокаду. А маленькая девочка Леночка выжила, и теперь мы с Еленой Алексеевной встречаемся на ежегодных сборищах семейного клана Дёмкиных – Раутианов. Вот такие узелочки плетет и завязывает Судьба – узелочки, которые развяжутся только в отдаленном будущем. Но Судьбе ведь загодя все известно».

решение. Конечно, детские эти проекты не вышли за двери нашего дома. Однако же, когда после войны метро в Ленинграде и вправду начали строить, во многих местах его построили «по Левиному проекту». А уж там, где реальные станции сделали иначе, это было большой ошибкой, продиктованной, как часто бывает, сиюминутной экономией. Я имею в виду, например, отсутствие остановок между Гостиным двором и Средним проспектом Васильевского острова. Каждый питерец понимает, как это неудобно. Лева, конечно же, планировал станцию у Адмиралтейства и университета. Но Леву «не послушали»...

Он мне объяснял, почему едет трамвай, почему у трамвая одна дуга, а у троллейбуса – две штанги. Объяснял, как устроен мир, почему солнце ходит по небу, почему бывает зима и лето, как рождаются дети, почему не падает на ходу велосипед. На все у него было понятное и толковое объяснение.

Лева и музыка

С Левой вошла в меня музыка. Музыкальный шум тех времен до сих пор слышится мне. Мама говорила, что у Левы абсолютный слух, и конечно, она была права. Мне вспоминается большая виолончель, на которой Лева должен был играть. Ведь он учился в Школе юных дарований. Но почему-то не любил виолончель. Мне кажется, он даже обрадовался, когда однажды в 1935 году я неосторожно открыл шкаф, виолончель выпала, и что-то в ней сломалось.

Лева действительно был очень музыкален и мог с одного раза запомнить и безошибочно повторить любой мотив. И конечно, Лева ходил со мной в кино, откуда мы каждый раз приносили новую песню. Первой в моей памяти была песня из кинофильма «Встречный» («Нас утро встречает прохладой»). Лева знал множество песен, любил петь и учил меня. Мы с ним пели всякие песни – народные, революционные, из кинофильмов, шуточные...

Целый пласт песен Лева привез с войны. Эти песни пели на семейных вечерах, в редкие наши встречи в Ленинграде и в еще более редкие приезды Левы к нам в экспедицию. И недаром семейное трио Малаховских было отмечено на конкурсе песни, который проводился на радио в 1999 году в годовщину прорыва блокады Ленинграда.

С Аляски Лева привез множество американских военных песен. И научил меня. В 1970-х годах к нам в Гарм, в экспедицию, стали приезжать сейсмологи-иностранцы. Восхищались не только нашими горами, но и непривычными для них чаепитиями с разговорами до поздней ночи – такие происходили не только на московских кухнях. Приехал однажды сейсмолог Эвернден, высокий, с меня ростом, пожилой, сухой, по-военному прямой. Участник войны. Мы с ним исполнили весь Левин аляскинский репертуар. Старый солдат Эвернден радовался как ребенок – что бы я ни начал, он тут же подхватывал. И наоборот.

Книжки, марки, конструктор, стихи...

Я поздно научился читать, да и читал поначалу неохотно. Лева мне прочел от корки до корки, наверное, десятка два книг. Первой была книга Сергея Розанова «Приключения Травки». Потом «Алюта – воздушный слоненок», «Принц и нищий», «Аэлита», «Человек-амфибия», «Гиперболоид инженера Гарина», «Девяносто третий год». Лева прочитал мне книжку, присланную Гайдаром, – «Военная тайна» (с рожицей и подписью Гайдара: «Это я»). Она про «Артек», и Лева было особенно интересно, ведь он был в «Артеке» в 1932 году и много мне рассказывал об этом.

А с каким нетерпением мы ждали очередной номер «Пионерской правды», где в 1937 году печатался «Гиперболоид»! Лева научил меня аккуратно вырезать текст и клеивать его в альбом для рисования. Вообще он приучал меня (правда, не очень успешно) к аккуратности и порядку, которые, как мне казалось, он привез из «Артека».

Вместе с Левой мы собирали марки – это стало моим самым сильным увлечением довоенных лет. Тут Лева открыл мне уже не город, а мир. Помню, как я ходил на почтамт и стоял подолгу у окошечка, где выдавались письма из-за границы. И мне иногда удавалось получить ненужный конверт с чудесной маркой. Коллекция эта пропала в войну, я до сих пор не могу забыть ее...

Лева любил лингвистические игры – не только в классической форме «балды». Во многих песнях он слышал или придумывал и вставлял сходные по звучанию, но совершенно другие по смыслу слова. Их было множество, например:

Или:

Или вот еще:

Я был мал, не очень-то понимал смысл этих песен и воспринимал озорные его вариации как правильный текст.

От Левы я унаследовал очень много интересов, и они, в довольно детской форме, сохранились у меня до старости. Ну например: мы с Левой изучали серии автомобильных номеров. И до сих пор ни одна необычная серия не останется мной не замеченной.

Талик перешел в пятый класс. Ленинград, июнь 1939 года

Лева рано научился играть в шахматы и много играл с товарищами. Я так и не научился, но от Левы пришел ко мне интерес к шахматным турнирам и игрокам. И я до сих пор шахматный болельщик, хоть и не игрок.

Конечно, Лева всегда был (в противоположность мне) аккуратным, точным и предусмотрительным. В школу мы почти всегда ездили вместе, но почему-то я часто опаздывал, а он – нет...

Лева довольно часто писал стихи по семейным торжественным случаям. Левины стихи, обращенные ко мне, как державинские оды Екатерине, были не столько восхвалениями юбиляра, сколько наставлениями, напоминаниями о том, каким мне следует быть.

Любовные Левины стихи удивительны. Они такие чистые, прозрачные, искренние. Обращенные к любимой женщине, к Дебочке, даже написанные через десятки лет после женитьбы, они полны юношеской нежности. В них нет формалистических изысков, вторых планов... Они прелестны и ясны. Я таких вообще не встречал ни у кого.

Каталог книг В. Халтурина						
№	Автор	Название	Стр.	Год	Цена	
					Р.	К.
1.	В. Тютю	Таврош	✓ 55	1936	1	90
2.	Б. Житков	Рассказы о животных	✓ 160	1935	2	90
3.	М. Булатов	Русские народные сказки	✓ 94	1935	3	75
4.	Л. Савельев	На земле, на воде, в воздухе	✓ 216	1936	4	—
5.	Бр. Гринин	Сказки	✓ 109	1935	2	75
6.	СБОРНИК	Готов!	✓ 109	1936	3	—
7.	А. Гайдар	Военная тайна	✓ 119	1936	3	75
8.	Э. Сетон-Томпсон	Детство	307	1935	5	75
9.	Н. Константинов	Карта рассказывает	✓ 287	1936	5	—
10.	А. Иванов	Пионер Павел Мародер	✓ 222	1936	5	—
11.	Д. Даро	Робинзон Крузо	✓ 224	1935	5	—
12.	Я. Перельман	Фокусы и развлечения	✓ 172	1936	3	—
13.	А. Брэм	Жизнь животных	434	1937	15	—
14.	С. Розанов	Алиса — воздушный слоненок	✓ 118	1936	2	75
15.	Л. Толстой	Кавказский пленник	✓ 87	1936	3	50
16.	М. Тершензон	Только, сколько	✓ 135	1936	3	—

«Выросли мы в пламени,
В гороховом дыму...»

«Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас веревка».

«Онегин, я с кровати не встану»,
«Онегин, я тогда моложе и лучше качеством была...»

Школа и друзья на всю жизнь

Мама определила нас обоих в хорошую школу. Мы проучились там вместе всего два года, я – в третьем и четвертом классах, а он – в девятом и десятом. Это было бесконечно долгое и счастливое время. Мы с ним вместе ездили в школу на троллейбусе, встречались на каждой перемене. Галя Никонova, с которой мы учились в те годы, писала мне (через пятьдесят пять лет), что она хорошо помнит Леву, с которым мы ходили на переменках обнявшись и о чем-то оживленно беседовали. Его друзьями в этой школе были Володя Аввакумов, Люсик Свердлов, Нина Бродская, Нина Шлионская. А еще Эдик Слепян, который пропал в первые месяцы войны, и никто не знает, что с ним стало... Остальные выжили, и дружба была неизменной многие десятилетия. Лева естественным образом вводил меня в свой круг, его не останавливала разница в шесть классов!³

Лева обладал редкостным даром дружбы. Я бы сказал, что это была дружба, и основывалась она на высоких нравственных понятиях. Лева естественным образом находил тему, тон с любым человеком – со старшим, с ровесником или с младшим – и при этом говорил о вещах важных и серьезных. Он дружил с Кирой Панкратьевым, немного позже – с Леней Яголковским, Володей Минаковым. Увы, они сгинули на войне, как и многие из Левиного поколения. С Женей Майминым он учился в школе, и дружба продолжалась многие десятилетия, как и дружба с Женей Вольпертом, Шурой Шенкманом, Володей Фридманом, Эдитой Тверье.

После войны Лева часто встречался с фронтовыми товарищами. Ездил с ними на места боев. Самым близким из фронтовиков был Миша Касьянов. К сожалению, Миша рано умер, в 1960 году. Лева продолжал мужскую дружбу с его сыном Женей, который не раз приезжал к нему в Питер. Лева умел серьезно и доверительно говорить с мальчиками и юношами намного младше него. Левины слова, сказанные даже при короткой встрече, оказывались очень важными в ответственном возрасте выбора жизненного пути. Об этом говорили мне многие – друг моих младших дочерей Андрей Нестеренко, мой племянник Павел Неуструев, мой сын Ваня Халтурин.

Английский язык

Еще в 1935 году наша мама решила, что Лева, а затем и я должны заниматься английским языком. Это удивительно, ведь в те времена самым важным считался немецкий язык. А мама, при своем в общем-то небольшом заработке и больших расходах (двое детей и домработница), нашла нам учителей английского. Прозорливое решение! Лева занимался англий-

---

³ По-видимому, это была знаменитая школа, которая находилась на Фонтанке, 62, в здании бывшего Петровского коммерческого училища. После революции она несколько раз меняла свое название. С 1922 года называлась 23-я Советская единая трудовая школа, с 1936-го – Первая образцовая. С 1940 года и по сегодняшний день называется школа №206.

ским все время до ухода в армию. Это очень ему помогло в 1945 году на Аляске и в значительной степени определило его дальнейшую профессиональную судьбу.⁴

Конечно, у Левы был интерес и способности к языкам. Это видно по тому, что он знал и любил петь «Широка страна моя родная» на английском и немецком, «Интернационал» – на английском, немецком и французском, «Avanti popolo» – по-итальянски. Вслед за ним подпевал и я.

Я помню, как в 1936 году Лева уже мог разговаривать по-английски с Констанцией Сиднеевной Паркер, которая работала вместе с мамой. С этой удивительной женщиной связана особая история.

Констанция Сиднеевна

Это была высокая женщина, очень милая. У нее был особенный голос. Музыка этого голоса была какой-то удивительной, ни на что не похожей. Никто так не говорил, как она.

Потом мы с Левой узнали, что она англичанка. Капитан какого-то русского корабля, который плавал по всему свету, однажды попал в Лондон. Там он встретил и полюбил английскую девушку. Он женился на ней, и она приехала с ним в Россию, в Мурманск.

Муж ее потом куда-то пропал, и она осталась вдвоем с сыном Мишей. Она плохо понимала советские порядки и не знала, как зарабатывать на жизнь. Приехала в Ленинград и стала ходить по городу, искать работу. На Невском увидела огромный магазин – Дом книги. Она любила читать и решила зайти туда.

Оказалось, что книги продаются только на первом этаже, а на четвертом находится Учпедгиз. Вот так и получилось, что она нашла самую подходящую для себя работу, стала редактором учебников английского языка.

В Учпедгизе работала и моя мама, поэтому мы с Левой познакомились с Константиной Сиднеевной и подружились с Мишей. И Лева разговаривал с ними по-английски! Ему было тогда пятнадцать лет.

Время было нехорошее – 1936 год. Добрые друзья Констанции Сиднеевны настойчиво убеждали ее вернуться в Англию. Она не соглашалась – может быть, надеялась найти своего капитана. Но наконец решила все-таки вернуться.

Летом 1936 года мы с Левой были на даче на Сиверской. Это была дача для детей сотрудников Учпедгиза, нас было там человек двадцать пять. И Миша был там. Но вот однажды к Мише приехала его мама. Мы удивились – родители обычно приезжали в выходные дни. Оказалось, что Констанция Сиднеевна приехала не просто навестить Мишу. Она приехала забрать его домой. Потому что они скоро уезжают в Англию, уже и билеты куплены.

Очень было жалко, что Миша уедет, он был нам самый близкий друг. Но ничего не поделаешь. Мы обменялись адресами, и он уехал. Тут я даже немного обрадовался. Я собирал марки и подумал: как будет теперь здорово! Миша будет нам писать, и у нас в коллекции появятся заграничные марки. Ни у кого таких нет. Кто же получал тогда письма из-за границы? Никто!

Но вот прошло сколько-то времени. Однажды приходит мама с работы домой и вынимает из почтового ящика письмо из Англии! Я не помню, что она сказала нам тогда или потом,

---

⁴ В 1950 году Лев Малаховский с отличием окончил английское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. Преподавал в нескольких вузах Ленинграда, читал курсы лекций в других городах. С 1962 года был научным сотрудником Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (теперь – Институт лингвистических исследований РАН). В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1989 году – докторскую. В списке научных трудов Льва Малаховского – более 90 книг и статей в области английской и общей лексикологии, лексикографии, статистики речи. Он являлся членом Словарного общества Северной Америки, Европейской ассоциации лексикографов, Российского союза переводчиков. Золотая медаль Пушкинского фонда отметила труды всей его жизни в науке как выдающийся вклад в российскую культуру.

но я на всю жизнь запомнил мамино лицо. Оно было совершенно белое. На нем написан был смертный ужас...

Красноармеец Лев Владимирович Малаховский

Институт, война, Аляска

Несмотря на свои успехи в иностранных языках, Лева в детстве все же тяготел больше к технике, чем к литературе. У него был свой «Фотокор», который снимал на стеклянные пластинки. Я помню его очень хорошие кадры.

Лева любил конструктор и даже соорудил из него длинную гибкую «руку», которая держала маленькую электролампочку. С этой лампой он накрывался с головой одеялом и там читал. Недаром мой папа послал ему книгу об электротехнике, на английском! А от дяди Фимы достался Лева толстый Hütte. Старики еще помнят – это был универсальный справочник по электротехнике и механике. Помню, что Леву особенно хвалил его учитель математики Борис Ильич. Неудивительно поэтому, что, окончив школу, он поступил в Политехнический, на электрофизический факультет.

Отлично сдав экзамены, Лева поехал в Кратово к своему папе Владимиру Филипповичу Малаховскому и бабушке Мальвине, потом к маминым друзьям Хотиным в Колмово, где и возникла его дружба и любовь с Дебочкой.

Начались занятия в институте, но поучиться ему пришлось недолго. 30 октября Леву неожиданно взяли в армию. Мы были к этому совершенно не готовы. Лева, как всегда, был спокоен, уверен в правильности всего происходящего, утешал маму. Он легко и, я бы даже сказал, охотно входил в новую ситуацию.

А через месяц началась война – Сталин напал на Финляндию... Наши войска застряли на линии Маннергейма. Ленинград был в затемнении, по ночам по Литейному непрерывно ехали кареты скорой помощи с ранеными. Говорили, что десятки тысяч красноармейцев ранены, обморожены, погибли бессмысленно. Мы с мамой очень боялись за Леву.

С братом и мамой Лией Пейсаховной Пекуровской. Последнее фото перед войной. Выборг, 2 мая 1940 года

Сначала Лева находился в казарме где-то возле Витебского вокзала, потом его перевели в Детское Село, в Третий запасной химический полк. Только через месяц мы смогли его увидеть и с тех пор ездили к нему каждую неделю. Зима наступила рано и была страшно холодной. Казарма его была рядом с Орловскими воротами. Зимой они казались еще более грандиозными.

С утра мама готовила бутерброды и термос с какао, куда обильно добавляла сливочное масло. Мы встречались в караулке, где и присесть было некуда. Лева всегда спокоен, ест и пьет степенно, не торопясь. Рассказывает о стенной газете и о том, как он учится стрелять. Час промелькнул – Лева пора уходить...

В марте его полк направили на фронт. Мы с мамой каждый день с опаской открывали почтовый ящик. Но нам повезло. 13 марта было заключено неожиданное перемирие. Войска об этом не знали. Сражения продолжались, и Красная армия с большими потерями взяла Выборг, уже после перемирия. Хотя он и так отходил к СССР по соглашению. Так или иначе – Лева не попал в эту переделку.

Весной 1940 года мы с мамой съездили к нему в Выборг. Его часть была где-то за парком Монрепо, неподалеку от монастырских стен, на улице то ли Серых, то ли Черных братьев. После Выборга я уже не видел Леву до самой войны. Великой Отечественной.

Когда началась война, Лева служил пулеметчиком вблизи финской границы. Писал стихи в армейскую газету. Помню, на мотив «Средь нас был юный барабанщик» он написал «Средь нас был юный пулеметчик». Он прислал нам этот номер газеты. Читая «погиб наш юный пулеметчик, но песня о нем не умрет», я всегда думал о Лева и готов был расплакаться.

Он очень часто писал мне, понимая, как мы беспокоимся о нем, но жизнь свою на фронте описывал как обычную, будничную и никогда, ни в письмах с фронта, ни потом, не рассказывал о страшной стороне войны.

16 августа 1941 года мина разорвалась в двух метрах от Левы. Его ранило многочисленными осколками, контузило, и он потерял слух на одно ухо. После госпиталя Лева вернулся в армию и еще три года воевал на Карельском фронте. Мне запомнились места: Ошта, Оять, Аলেখовщина. И там, на фронте, он беспокоился обо мне, радовался, когда я поступил в институт. Поздравительные его письма полны надежды на то, что я вырасту и стану серьезным, образованным, умелым (словом, таким, каким он хотел бы меня видеть!), и сожаления, что он далеко от меня и не может мне в этом помогать, как раньше.

Левино ранение и контузия подорвали его здоровье. Маме удалось – через своего друга юности Меера Вовси (брата Михоэлса), главного терапевта Красной армии – добиться, чтобы Лева прошел медицинскую комиссию. К счастью, комиссия эта была в Москве! И вот осенью 1944 года произошло великое событие нашей жизни: впервые после мая 1940-го мы все трое наконец увиделись.

Комиссия признала Леву «ограниченно годным», и его направили в Военный институт иностранных языков Красной армии, который находился в Москве. А я тоже в это время учился в Москве, в Энергетическом институте, в Лефортове, рядом с Левиным институтом. Лева был на казарменном положении, но мы часто виделись. Он проучился несколько месяцев, а в марте 1945-го его послали на Аляску. Там, на военно-морской базе, он провел полгода. Лева был военным переводчиком, принимал американские корабли, которые отошли Советскому Союзу по ленд-лизу. Вернулся он в Москву в конце сентября.⁵

По окончании службы на Аляске им выдали фантастического размера сухой паек из тех трехмесячных запасов, которые были на каждом корабле, принятом по ленд-лизу. Он привез морскую капитанскую форму, мешок сахара, ящик шоколада, ящик сигарет Camel и Chesterfield. Время было еще голодное, и сигареты я продавал или менял на хлеб. А меня под белы ручки – и в каталажку. Там я просидел несколько дней. Выручил меня дядя Фима, мамин брат. Песенник American Soldier Songbook и справочник The World Almanac, которые Лева привез, послужили для меня первым толчком интереса к Америке, к ее истории и политике.

Лева вернулся в Военный институт и продолжал там учиться до демобилизации весной 1946 года. В конце весны 1946 года мы все собрались в Ленинграде. Началась мирная жизнь. Лева поступил в Ленинградский университет на второй курс филфака, на английскую филологию, я – на второй курс физфака. Получилось так, что мы с ним учились в университете одновременно, несмотря на шесть лет разницы в возрасте.

С Левой, Дебой и мамой. Ленинград, 1956 год

---

⁵ О своей службе на Аляске Лев Малаховский написал небольшие воспоминания, которые были опубликованы в журнале «Русская Америка» (1995, №5).

Встречи и разлуки

Детство мое кончилось, я уже был «сам с усами». Женился и уехал с Таней на Памир. А Лева женился на Дебе, и они остались жить в Ленинграде. Наши встречи стали нечастыми и короткими. Когда удавалось приехать из экспедиции в Москву, я всегда старался побывать в Ленинграде. Иногда летом мне удавалось навестить Леву с Дебой на даче, это были счастливые дни...

С Левой всегда было интересно разговаривать. Он открывал мне и Тане интересные и неожиданные вещи из мира лингвистики. Так, помню, мы обсуждали разнообразие названий жителей городов: тул, пин, киев, ленинграде, вят, одесс.... А использование числительных в живой речи! Лева проводил частотный анализ числительных в художественной литературе. Он рассказывал, что существуют числительные, которые не означают число, они означают просто «много» («сто раз я тебе говорил...»). Существуют «любимые» (мистические) числительные (тройка, семерка...). *як чук лянин ц ич ит*

Левины рассказы пригодились мне в работе, связанной с подземными ядерными испытаниями. Лева рассказывал о любопытных психологических корнях употребления «круглых» чисел в живой речи и художественной литературе. Мы даже хотели приложить эту идею к статистике погрешностей измерений, где происходит бессознательное округление последней (ненадежной) цифры. Увы – руки так и не дошли...

Летом 1965 года Малаховские прилетели всем семейством к нам в Талгар, близ Алматы. По этому случаю Лева написал торжественную оду. Это было прекрасное время. Мы много ходили по окрестностям, «угощали» их красотами Тянь-Шаня. Поднимались в горы, ходили нашими любимыми маршрутами, а потом совершили «кругосветное путешествие» вокруг Иссык-Куля и провели там несколько дней.

Деба...

...и Лева летом на даче. Счастливые дни!

Таня и Лева на юбилей тети Раисы. Фергана, 1986 год

Два братика – Талик и Левушка

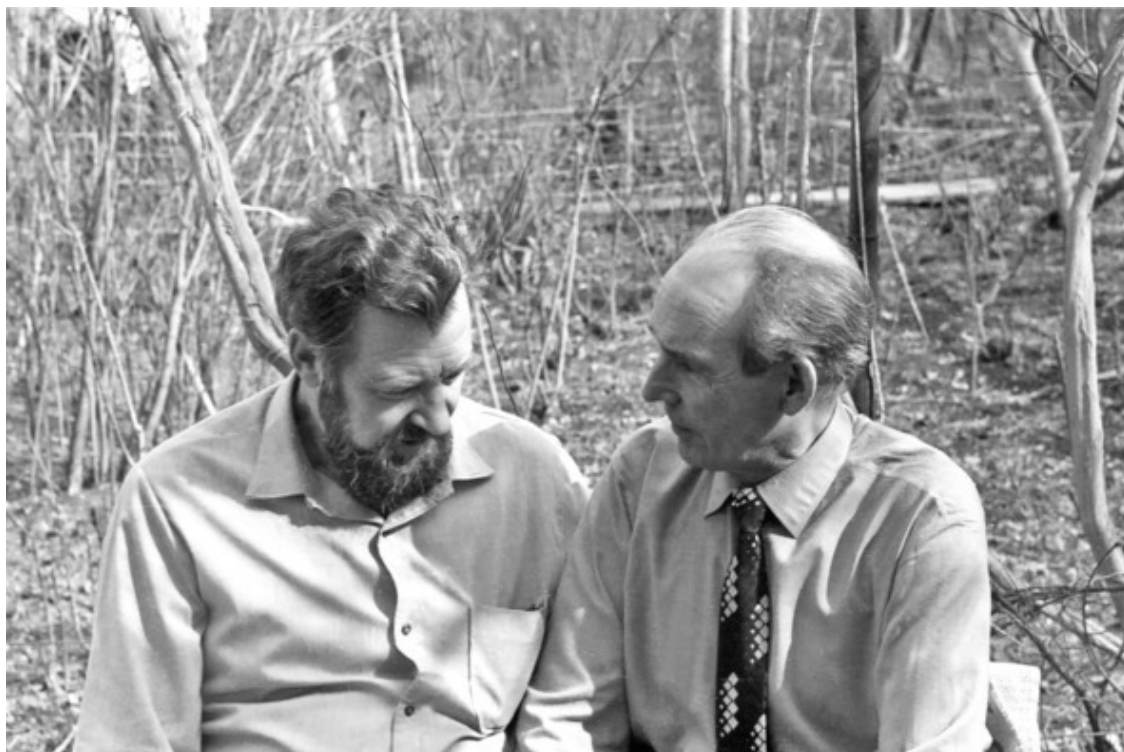
В 1980-х, когда мы снова работали в Гарме, Лева с Дебой навестили нас там. Мы были счастливы показать им наши любимые места, родину наших детей...

Помню в нашем Гармском аэропорту голос из рупора: «Халтурин-старший! Халтурин-старший, пройдите на посадку!» Странно было это слышать. Когда-то я был младшим братиком Левы. А тут вдруг он оказался не сам по себе, а приехавшим в гости старшим братом всем известного Халтурина...

Помню встречу в Фергане, куда мы съехались по случаю 80-летия маминой сестры тети Раисы. Сохранилась серия Левиных фотографий, сделанных в Фергане в это время. Какое удивительное у него лицо! Мимика вроде бы скупая, но в неуловимо тонких шевелениях губ, глаз – такое богатство внутренней жизни... Внимание, удивление, ирония, доброта, неодобрение, любовь.

Время летит...

Мы слевой по натуре очень разные люди. Я человек импульсивный, легкомысленный и непредсказуемый. Думаю, что в детстве – а скорее всего, и потом – доставил Лево немало забот и огорчений. А он – воплощение правильности, порядка, надежности. И был он таким от рождения, генетически. Ни война его не озлобила, как очень многих, ни все остальное, что выпало на долю матушки Руси и его собственную долю.

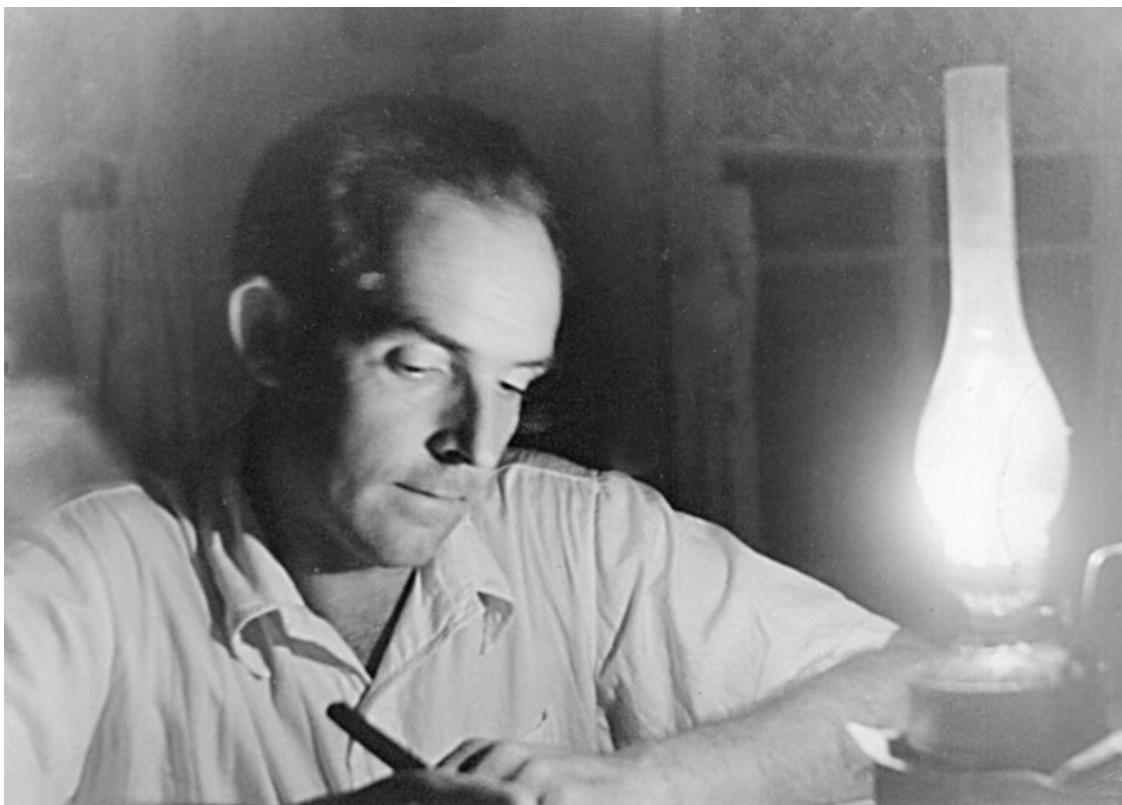
Даже все сказочно нелепые злоключения словаря новых английских слов, любимого его дитяти, который долгие годы то принят был к печати, то возвращен, великими трудами восстановлен и тоскливо пылился в папках под столом, не лишили его оптимизма...⁶

Время течет, летит, и чем дальше, тем быстрее. Вечная наша занятость, работа, забота... Теперь остается только жалеть о невосполнимом – о чем не успел слевой поговорить, где не успел с ним побывать, что не успел, не догадался сделать для него.

И остаюсь в вечном долгу перед ним...

---

⁶ После того как в 1980 году старшая дочь Льва Малаховского Наталия была выслана из СССР за литературную деятельность в самиздате и активное участие в феминистском движении, Малаховский оказался в положении опального ученого. Начальство чинило препятствия в работе, его даже пытались уволить (спасла лишь фронтовая инвалидность). Только после перестройки ему удалось защитить докторскую диссертацию. Тогда же вышли в свет его основные научные труды. Но словарь новых английских слов так и не был напечатан... Лев Владимирович Малаховский скончался в Петербурге 7 мая 2003 года. Его памяти был посвящен специальный номер домашнего альманаха «Семейная мозаика», который Виталий Халтурин и Татьяна Раутиан выпускали в Америке в 1999—2004 годах.

*2003 год
Таппан, штат Нью-Йорк, США*

Диалог с маминой автобиографией

Моя мама Пекуровская-Малаховская Лия Пейсаховна (или Павловна, как все ее звали) родилась 24 ноября 1895 года в городе Мозыре в Белоруссии, в еврейской семье. Умерла 22 сентября 1972 года в Ленинграде.

Она была старшей в семье дедушки Пейсаха и бабушки Хавы. Пейсах это по-еврейски Пасха, а Хава – Ева. Дедушка был приказчиком у судопромышленника Смолянского, возил на барках по реке Припяти товары из Киева в Мозырь. Получал пятьдесят рублей в месяц. Накопив деньги, купил маленький дом на улице Ромашов Ров, где и поселилась семья. Сначала родилась Лия (Шифра-Лея), потом Абрам, потом Фаина (Фейгеле), потом Раиса (Ришеле) и потом Фима (Хаим). Лия была старшая и очень способная. Дедушка Пейсах ею очень гордился. Она рано научилась читать и писать по-еврейски. Дома и все соседи говорили на идише. Мама знала несколько еврейских песен, которые она мне часто пела в детстве. Особенно я любил грустную песню «Ин Америка ист дайн тате»...

Мама быстро освоила белорусский и русский языки. Дедушка решил записать ее в гимназию, где преподавание велось по-русски и куда для евреев была пятипроцентная норма. Мама готовилась все лето. По-моему, у нее был учитель из ссыльных социал-демократов, это он заронил в ней интерес к политике и социал-демократии. Мама успешно сдала экзамены и проучилась в гимназии все годы на пятерки.

Из автобиографии Лии Пекуровской 1963 года: «Я окончила еврейское начальное училище, а потом семиклассную гимназию. Окончила отлично, удостоилась золотой медали и была очень огорчена, что не могла ее получить: за медаль надо было заплатить большую сумму.

Отец утешал меня: «Вот выйдешь замуж – муж заплатит». Меня это еще больше раздражало. Не любила я богачей и не о замужестве мечтала. Я хотела учиться дальше, получить профессию по душе, заниматься историей, литературой, языками.

Высшие учебные заведения с гуманитарными факультетами, куда принимали женщин, были только в Петербурге, Москве и Киеве. Но въезд в эти города простым евреям был воспрещен, там могли жить только богатые евреи – купцы первой гильдии. Поэтому мне пришлось отказаться от своей мечты, и в 1915 году я поехала в Юрьев (ныне Тарту Эстонской ССР), где поступила на Высшие медицинские курсы. Стипендий тогда не было, приходилось зарабатывать на жизнь уроками».

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «Моя трудовая жизнь началась рано. Еще будучи гимназисткой, я давала уроки, а с 1911 г. я стала жить самостоятельно. Занималась педагогической практикой и не прерывала ее до 1918 г., совмещая работу с учебой. В 1913-м я жила на кондичии в доме одного лесопромышленника на ст. Житковичи Минской губернии».

«На кондичии» – то есть в качестве домашней учительницы. Свою ученицу Муравчик мама в 1942 году неожиданно встретила на улице в Кирове (Вятке), где их свела эвакуация.

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «В 1914—1915 гг. я работала в еврейской школе на ст. Калинковичи, давала частные уроки. С 1915 до 1918 г. учительствовала в г. Юрьеве, а затем в Харькове».

В юности мама была активной сионисткой – сторонницей переезда евреев в Палестину и создания там еврейского государства. Она даже собиралась туда поехать, но тут началась Первая мировая война, и все дороги были закрыты. Кроме того, она сочувствовала и бундовцам – еврейским социал-демократам и марксистам.

Лия Пейсаховна Пекуровская. Февраль 1920 года

Пейсах Пекуровский. Фотоателье С. Я. Гамзы в Мозыре

Из автобиографии Лии Пекуровской 1954 года: «Политической жизнью стала интересоваться еще в 1913—1918 годах. Тогда это был интерес к судьбам еврейского народа, о страданиях которого я немало слышала и посмотрела в г. Мозыре и в Киеве, и т. д. Разрешение еврейского вопроса я тогда видела в организации еврейского государства в Палестине, следовательно, по политически незрелым воззрениям я тогда примыкала к „Цеирей Цион“ — националистической организации еврейской молодежи, но ни в какой партии никогда не состояла до вступления в партию большевиков».

Мама была общительна, активна, в Юрьеве у нее было много друзей, с которыми она поддерживала связь до конца своих дней. С ней училась Гадаса — мать Ларисы Вольперт, моей подруги детства и Маиной преподавательницы (ведь 70 лет спустя Мая поступила учиться туда же — в Тарту, а Лариса там работала). С мамой учился Борис Хотин, отец Дебы, и Моисей Бухман из Мозыря. Они оба ухаживали за мамой. Но Борис сильно храпел по ночам, а Моисей был грубоват, так что эти партии не состоялись. Зато потом мой брат Лева женился на Дебе, а Моисей Бухман оказался в Душанбе, и с его дочками мы подружились на долгие годы. С Олей Бухман и ее мужем Яшей Беккером мы с Таней общаемся по сей день.

Из автобиографии Лии Пекуровской 1963 года: «В Юрьеве было много студенческих организаций, которые вели большую и интересную работу: устраивали лекции, диспуты, литературные вечера. Там я многое получила для своего политического развития, впервые узнала о Российской социал-демократической партии, о большевиках и меньшевиках, о Владимире Ильиче Ленине. В Юрьеве застала меня Великая Октябрьская революция. В это время я была на четвертом курсе. Однако вскоре мне пришлось покинуть Юрьев, так как по Брестскому договору Юрьев должен был отойти к немцам. Я уехала в Харьков и поступила там в Харьковский женский медицинский институт. Но долго учиться там мне не пришлось. Разгоралась гражданская война, и над Украиной нависла серьезная опасность. Правительство Украины было вынуждено эвакуироваться в Киев. Вместе с небольшой группой студентов уехала в Киев и я. В это время в Киев прибыла группа большевиков Петрограда и Москвы, посланная на помощь советскому правительству Украины. Среди них был и один из организаторов Красной гвардии в Петрограде, член партии с 1911 года Владимир Филиппович Малаховский. Все мы жили тогда в общежитии, которое было устроено в бывшем дворце миллионера. Впервые я попала в общество людей, которые так много сделали для победы революции. Я стала работать заведующей библиотечным отделением Наркомвоенмора Украины и заведующей клубом Киевского гарнизона. Ведала отправкой литературы на фронт. Вскоре я подала заявление в партию, но партийный билет получила уже в Москве. Положение на Украине настолько ухудшилось, что Киев пришлось оставить, и советские работники, и в том числе и мы с Владимиром Филипповичем, были эвакуированы в Москву. Там мы и поженились.

Почти сразу же мы должны были отправиться на фронт: враг приближался к Москве. Владимир Филиппович был назначен помощником комиссара 8-й дивизии 13-й армии Южного фронта, а меня назначили политкомиссаром санитарно-эпидемического отряда 42-й дивизии той же армии. Работа политкомиссара в условиях того времени была очень напряженной и ответственной. В армии свирепствовал тиф. Среди медицинских сестер были выходцы из дворян, из княжеских семейств, которые всячески вредили Красной армии, расхищали ценные лекарства, пытались отравлять раненых красноармейцев. Нужно было иметь зоркий глаз и приложить немало усилий, чтобы предотвратить попытки вредительства».

Владимир Филиппович Малаховский — потомственный питерский рабочий (среди его предков были немцы, белорусы и поляки). Он был высок, красив и, я бы сказал, аристократ. Образован, воспитан, хотя, по-моему, нигде не учился. На фронте мама переболела тифом, первый ребенок у них умер.

Левушке два года. Крым, август 1923 года

В августе 1920 года ее демобилизовали и отозвали в Москву, где мама работала в журнале «Коммунистка» вместе с Марией Ильиничной Ульяновой и Надеждой Константиновной Крупской. Она знала Инессу Арманд и многих других деятелей революционного движения.

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «По семейным обстоятельствам (ввиду переезда мужа) я в конце 1921 г. переехала в Ленинград. Здесь я начала свою работу в Городском отделе народного образования, где с 1922 по 1926 г. занимала разные должности. Одно время заведовала клубным отделом Губполитпросвета, была председателем экспертной комиссии по проверке педагогов, инспектором школьного отдела по Выборгскому району и членом Научно-методического совета. Работу в городе я совмещала с учебой, а впоследствии – с преподаванием в Педагогическом институте им. Герцена и с методической работой в пионерской организации».

8 мая 1921 года у мамы и Владимира Филипповича родился сын. Его назвали Лев Владимирович Малаховский – это мой старший и любимый брат. Подозреваю, что его назвали Львом в честь руководителя Красной Армии и пламенного борца за мировую революцию Льва Давидовича Троцкого... Забыл сказать, что дедушка Пейсах не мог простить маме, что она вышла замуж не за еврея, и проклял ее. С тех пор они не виделись. Но бабушка Хава и все сестры-братья ее очень любили и были с ней связаны.

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «При мне, а я старшая в семье, жили с 1923 г. мои младшие братья и сестра с матерью. Отец при советской власти одно время служил в сельской кооперации, работал по заготовке грибов. По состоянию здоровья (он болел диабетом) принужден был работу оставить, жил небольшими доходами, что давал ему национализированный маленький деревянный дом в г. Мозыре. Умер он в 1933 году. Мать умерла в 1938 году».

Сначала в Ленинград приехал мамин брат Абрам и стал там работать и учиться, потом приехала Раиса и поступила в сельхозинститут в Детском Селе – Пушкине. Потом приехал Хаим и поступил в строительный техникум. А потом приехала и бабушка Хава. С дедушкой Пейсахом они почему-то разошлись. Бабушка Хава хорошо говорила по-русски, была ласковой, заботливой. Тетя Раиса вся в нее – она тоже вечно заботится обо всех, кроме себя.

Бабушка Хава так и прожила в Ленинграде до конца своих дней, я ее немного помню. Она умерла в 1938 году, и это были первые похороны в моей жизни, впервые я увидел в гробу мертвое лицо близкого мне человека. Дедушка Пейсах прожил в Мозыре до самой смерти, и я его никогда не видел.

С Левого на похоронах бабушки Хавы. Ленинград, 1938 год

Мама была на партийной работе, но все время хотела учиться. За медицину уже браться было трудно, ее деятельность была связана с печатью и народным образованием – и она пошла в Педагогический институт имени Герцена в Ленинграде. К тому времени они с Владимиром Филипповичем разошлись. Мама была энергична, активна, много работала. В основном занималась пионерским движением, библиотеками и часто бывала в редакции газеты «Ленинские искры» – первой пионерской газеты страны. Ее основателем и первым редактором был Иван Халтурин. Там (видимо, в 1926 году) они познакомились и полюбили друг друга. А в конце лета 1927 года у них родился сыночек. Это и есть я.⁷

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «В 1925 г. я окончила Педагогический институт имени А. И. Герцена, получила право преподавать педагогику и была оставлена при кафедре педагогики, где и проработала в качестве преподавателя до 1931 года».

---

⁷ Иван Игнатьевич Халтурин (1902—1969), уроженец Вятской губернии, выходец из крестьянской семьи. Журналист, литературный редактор, сотрудник детских издательств. Составил несколько замечательных книг для детского чтения. Воевал, был ранен. О своем отце Виталий Халтурин написал биографический очерк, опубликованный в журнале «Детская литература» (2002, №3). Юношеским годам Ивана Халтурина был посвящен выпуск домашнего альманаха «Семейная мозаика», который вышел в 2003 году. Мы надеемся напечатать материалы, посвященные Ивану Халтуру, в виде отдельной книги.

В институте мама тоже была активной коммунисткой и председателем парткома. Помню, как я пришел к маме на партийное собрание и спрашиваю: «А беспартийным можно?» На собрании пели революционные песни, а тексты были написаны крупными буквами и свернуты в рулон, который на сцене перематывался. Помню мамино фото из газеты – как она азартно выступает с трибуны...

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «С 1926 по 1929 г. я по настоянию Облбюро пионеров была переведена на штатную работу в обком ВЛКСМ, принуждена была оставить работу в горно, но преподавательской работы в Институте имени Герцена и научно-исследовательской работы в Государственном институте научной педагогики не оставила. Руководила областным методическим бюро пионеров, организовала в Ленинграде первый областной кабинет пионерработы и три года была его заведующей. Организовала при пединституте пионерский кабинет. Кроме общего курса педагогики вела еще дополнительный курс – «Вопросы детского коммунистического движения». Эти же вопросы я преподавала на курсах пионервожатых. По вопросам пионердвижения и политвоспитания в школе я часто выступала не только с докладами, но и со статьями в печати – в педагогической и в детской прессе. Одно время была членом редколлегии газеты «Ленинские искры» и журнала «ЧИЖ».

В 1929 году Педагогическому институту удалось добиться моего освобождения от методической работы в облбюро пионеров, и я перешла на штатную работу в Педагогический институт имени Герцена, где в качестве помощника заведующего учебной частью организовала общеинститутское бюро по руководству производственной практикой студентов. Эту свою работу я совмещала с преподавательской и научно-исследовательской работой при Институте научной педагогики в области деткомдвижения и политического воспитания.

В 1930 г. в числе «пятидесяти» человек я была утверждена аспирантом по педагогике. Однако полностью закончить курс аспирантуры и защитить диссертацию мне не удалось: была отозвана Культпропом ЦК партии на работу в Москву. В дальнейшем только путем самообразования я продолжала и продолжаю повышение своего идейно-политического уровня, общего и специального образования».

Мама и папа были, как говорят, «не расписаны», тогда это было вообще не принято. Халтурина вытеснили из редакции «Ленинских искр», его потянуло в Москву. Он вообще был из другого теста и плохо приспособлен для стабильной семейной жизни. Короче говоря, они не разошлись, но отец уехал в Москву, стал временно работать в издательстве «Молодая гвардия» и так там и остался.

Мама осталась в Ленинграде. У нее уже была большая семья, и она всех содержала: двое детей, братья-сестры, бабушка Хава... Потом приехала папина мама Анна Федоровна и папина сестра Капитолина. Все они жили с нами. У нас была домработница, которую мы с Левой очень любили, Мария Павловна Лялина, крестьянка из Псковской губернии. Я звал ее «ртыпамуля», а бабушку – «лтыкава». Почему? Убей бог не помню. Мама много работала – надо было всех прокормить. Потом она поняла, что Халтурин не вернется, и решила сама ехать в Москву.

Из автобиографии Лии Пекуровской 1941 года: «В конце мая 1931 года по предложению ЦК ВЛКСМ я получила от Культпропа ЦК партии путевку в Научно-исследовательский институт детского коммунистического движения, который тогда только что организовался в Москве. В этом институте я работала ученым секретарем, помощником директора по научной части, сочетая все эти должности с руководством научной бригадой и выполнением научной работы по плану института.

В 1934 г. я вернулась в Ленинград (институт закрылся). Большие года я работала в горно в качестве заведующей кабинетом внешкольной работы, совмещая эту работу с работой в Институте научной педагогики. Преподавательскую же работу вынуждена была оставить из-за болезни горла.

В конце 1935 г. горком партии направил меня на работу в Ленинградское отделение Учпедгиза. Начала я свою работу там заведующей редакционным сектором, а затем была утверждена главным редактором и заместителем начальника отделения по редакционной части. Последние годы я совмещала эту работу с заведованием русской группой редакций и редактированием отдельных книг по педагогике (по разрешению начальника). За хорошую организацию работы и оперативное выполнение правительственных заданий я неоднократно премировалась, имею благодарности по приказу. Работу в издательстве оставила 15 февраля 1941 г. по собственному желанию, мотивируя это невозможностью совмещать три должности. К тому же при этой работе мне невозможно было работать над повышением своей научной квалификации, ее оформлением. Работаю сейчас самостоятельно по истории педагогики, в частности по истории школы Крайнего Севера.

В партию я вступила в ноябре 1919 г., уже будучи на фронте, и еще до оформления принимала активное участие во всех мероприятиях партийной организации Наркомвоенмора Украины.

Никаких колебаний в проведении линии партии у меня никогда не было, ни в каких оппозициях никогда не участвовала. В партии всегда была активной. Я неоднократно выбиралась членом партийного бюро, была парторгом (в 1935 г. в институте, в 1937 г. в Учпедгизе). Много лет была прикреплена к комсомолу, руководила политкружками, кружками текущей политики и истории партии. Систематически выступала с докладами по различным вопросам партийно-политической пропаганды. Постоянно привлекалась районным и городским Комитетом партии к агитационно-пропагандистской и обследовательской (инструкторской) работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.